Илья М<уромец> и голи кабацкия, Илья М<уромец> и Издолище в Киеве

А пошол молодець на цюжу сторону,
На злодеюшку парень пошол незнакомую.
Не несут молоцца, меня, ноги резвыя,
Не гледят у молоцца да оци ясные,
А катицьсе буйна голова со могуцих плець.
А настрецю молоццю — гуня сарацинская.
Говорила к ёму гунюшка сарацинская:
«Уж ты здра[сту]ёшь, удалой да доброй молодець!
А куда ты идёшь, куда ты прависсе?» —
«А я иду как ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю да ко Владимеру,
А ко той же к Опраксеи-королевисьни:
А мне Осподу Богу помолитисе,
Ко святым-де мощам надо прыложитисе,
А князю Владимеру покоритисе,
А Опраксеи-кнегины да извинитисе». —
«А ты давно ле нонь, гунюшка, из Киева?
А ише всё ле во Киеви по-старому,
А ише всё ле во Киеви по-прежному?
А ише нет ле у нас в Киеви цёго нового?»
А говорила ёму гунюшка сарациньская:
«Уж ты ой, удалой да доброй молодець!
Да больше у нас в городи смешеньицё,
А велико у нас в Киеве потресеньицё.
А ко нашему ко городу ко Киеву
А ко нашому князю ко Владимеру
А подошло где Издолишшо поганоё,
А поганоё Издолишшо проклятоё;
А голова-та у Издолишша — как пивной котёл,
А мезду носом глаза́ нонь — да калена стрела,
Да в плецях-то Издолишшо — всё коса сажень.
А сидит он во грынюшьки столовой тут
А за тем же за столиком за кленовым же

А с той же с кнегиной да со Опраксеей,
А ишше князь-от Владимер да ёго потчуёт.
А да ишше у нас в Киеве заповедано:
А хто поменёт у нас да Илью Муромьця —
А да такового у нас да нонь судом судить,
А судом где судить, да живому не быть —
Оци ясны вымать ёго косицеми,
Да язык бы тянуть да ёго теменём!»
А спросил где Илья да ноньце Муромець:
«А где как руськие богатыри?»
Отвецяла ёму гуня да сараниньская:
«А богатырей в Киеве не слуцилосе,
А сильних-могуцих не погодилосе:
А Добрынюшка уехал на тёплы воды,
А Илеюшка уехал да тут на родину!»
Говорил где-ка удалой да доброй молодець:
«Уж ты ой еси, как гунюшка сараниньская!
А уж дай-ко мне клюку́ да всё чыгунную,
Я пойду-де в украинку в Поморскую!»
А дала где она клюку чугунную,
А ише тут-де удалой да доброй молодець
А пошол-де украинку Поморьскую —
А во ту-де во лавоцьку во питейную,
А на тот пошол парень на царев кабак,
А где пьют-де-ка голи да всё кабацкие,
А те-де калики да перехожие.
А говорыл где удалой да доброй молодець:
«А уж вы ой еси, голи да всё ко[а]бацькие,
А те же калики да перехожие!
А опохмельте меня вы, да доброго молоцца,
А со дороги меня да вы со дальнее,
С перегару вы меня да со великого!»
А тут же как голи да всё кабацкие,
А тут-де калики да перехожие
А скинулись с денёг по полтинушки.
Насбирали они, голи, на полтара ведра,
А купили они, голи, всё зелена вина,
А наливали где-ка цяроцьку зелена вина,
Да не малу, не велику — полтора ведра,

А подавали где дороднёму доброму молоццу.
А берёт молодець-от единой рукой,
А пьёт молодець-от к едину духу.
А хмелинушка в башки тут проевиласе —
А говорил где удалой доброй молодець:
«А уж вы ой еси, голи да всё кабацкие,
А те всё калики перехожие!
А опохмелили вы миня, доброго молоцца!
А у мня денёг с собой тут не слуцилосе,
Серебра-та с собой не погодилосе,
А у мня есь на груди да тут цюдён тут крес,
А у мня крест-от тенёт да полтара пуда.
А цена-та кресту была назнацёна,
А не много, не мало, — да тут петьсот рублей:
А в кресту-ту ведь цясть была цистого серебра,
А больша половина — красного золота,
А третья-та цясть — да скатного жемцюга.
А уж вы ой еси, голи да всё кабацькие!
А подите вы во лавоцьку серебряну,
А к тому же к купьцю да ко торговому,
А вы продайте этот крест мой за петьсот рублей.
А по цены не возьмёт — да крест в заклад возьмёт!»
А ише тут как голи да рады-весёлы:
А пошли где во лавоцьку во серебряну
А к тому же к купьцю всё торговому.
А говорят они сами да таковы слова:
«А уж ты ой еси, купець да все торговой нонь!
А-й возьми ты у нас да тут цюдён же крест.
А по цене не возьмёшь, да крест в заклад возьми:
А у нас крест-от как тенёт да полтора пуда!
А цена-та кресту была назнацена
А не много, не мало — да всё петьсот рублей:
Половина-та была да цистого серебра,
А третья-та цясть была да красного золота,
А меньша-та цясть была скатного жемцюга».
А тут же купець да всё торговой тут
Говорил-де он им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, голи всё кабацкие,
А те где калики перехожие!

А уж вы где этот взяли да нонь цюдён тут крест?»
А говорят где-ка голи да всё кабацкие:
«А мы пьём-де во лавоцьки во питейное,
А пришол к нам удалой доброй молодець,
А принёс-де-ка нам этот цюдён тут крест».
А ише тут же купець да всё торговой тут
А да за крест-от им дал да всё петьсот рублей,
А награды он дал им ровно трыста им,
А говорил где-ка сам таковы слова:
«А обогрело-осветило красно солнышко —
А откуль где-ка взялса да доброй молодець!»
А ише тут-де голи да рады-весёлы,
А пошли они во лавоцьку во питейную
А пить-де они всё зелена вина.
А ишше тут купець да всё торговой тут
А положил этот крест на блюдо серебряно,
А да пошол-де ко городу ко Киеву
А к тому же ко князю ко Владимеру,
А принёс-де ему ноньце подароцьки,
А говорил где-ка сам таковы слова:
«А уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
А прими мои подароцьки не малые,
А не малые подароцьки — во петьсот рублей!»
А выходил где тут купець на широкой двор.
А выходил где Владимер за им сам ведь вон,
Говорил где Владимер да стольнё-киевской:
«А послушай-ко, купець да всё торговой тут,
А где эти взял нонь подароцьки?»
Говорил где-ка купець да всё торговой тут:
«А из той же из лавоцьки из питейное
А из той стороны из украйное
Приходили ко мне голи всё кабацкие,
Приносили они мне всё цюдён тут крест!..»
А говорил-де Владимер таковы слова:
«А просветило тут ведь ноньце красно солнышко —
А провещаецьсе как тут доброй молодець!»
А ише тут-де Владимер стольнё-киевской
А да срежалса тут Владимер по-подорожному;
А да пошол-де украинку Поморскую,

А на тот-де пошол на царев кабак,
А где пьют-де-ка голи всё кабацькие,
А где сидел где-ка тут доброй молодець.
А-й да заходит Владимер-князь на царев кабак,
Отпираёт-де двери да с крюков на пяту.
А голи кабацьки испугалисе,
По углам-то как голи розбежалисе, —
А сидит только один доброй молодець.
А говорил где-ка тут доброй молодець:
«Уж ты здрастуёшь, Владимер стольне-киевской!
А уж всё ле у вас в городи по-старому?
А нету ле у вас в Киеве цёго нового?
Ише всё ле у вас в Киеве по-прежному,
А по-прежному в Киеве, по-досельнёму?»
А говорил-де Владимер, слезно плакал сам:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
Да у нас-то во городи во Киеве
А большо у нас в Киеве смешеньицё,
А велико у нас в Киеве потресеньицё:
А ко нашему ко городу ко Киеву,
А ко мне всё, ко князю ко Владимеру,
Подошло-де Издолишшо поганоё,
А поганоё Издолишшо проклятоё,
А овладел-де у нас крашон Киев-град
А ише со своей-де силой неверной тут.
А седит он во грынюшки во столовой тут
А со той же Опраксеей-королевисьней
А за тем же за столиком за кленовыем;
А я, князь Владимер, его поччую.
Да на завтро-то мне да смерть назначона.
Да ишше у нас в Киеве заповедано:
А хто поменёт ноньце Илью Муромьця,
Да такого бы из нас щобы судом судить,
А судом-де судить, живому не быть:
Оци ясны вымать ёго косицеми,
А язык-то тянуть бы ёго теменём,
А рубить бы, казнить буйна голова!»
А ишше тут молоццу за беду пришло,
За велику досаду показалосе:

Говорыл молодець таковы слова:
«А уж вы ой еси, голи всё кабацькие!
А скиновайте-тко платьё, которо хуже всех,
А одевайте моё платьё хорошоё.
А уж вы ой еси, калики перехожие!
А дайте вы мне хто ле корзиноцьку.
А я пойду-де ко князю ко Владимеру
А просить-де Христа ради милостину,
А хоть не ради тут Бога — ради Ильи Муромьця».
А ишше как тут-де голи догадалисе,
Извинялись они Ильи Муромьцю.
А он пошол-де со князём со Владимером.
А тут де-ка князь рад и весёл тут.
А наложил корзинку на леву руцушку,
А в праву руку клюку цыгунную,
А он пошол-де со князём со Владимером.
А приходят тут к воротам ко кленовыем,
А приходят тут они к широку двору —
А вороцьця были тут призапёрты,
А призапёрты ворота, призаложоны.
А ише слуги где-де были всё неверные,
А те же тотара всё неруськие:
Запустили тут князя всё Владимера —
А не пустили калики перехожое,
А заложили вороцьця всё кленовые,
А задвинули задвижецьки всё серебряны
А закинули запоры всё чыгунные.
Говорила калика тут перехожая:
«Уж вы ой, тотара всё поганые!
Запустите калину перехожую
А хоть не д’ради миня — ради Ильи Муромьця!»
Говорят тут как слуги всё неверные:
«Уж ты ой еси, калика всё проклятая!
А уйди ты, калика, от ворот здолой!
А у нас тут в городе заповедано:
А хто поменёт у нас Илью Муромьця —
А такого бы у нас казнить-весити,
А судить-то ведь нам да своим судом!»
А ише тут-де калики за беду пришло,

За велику досаду показалосе:
А топнул калика левой ножечко[й],
А толконул-де калика правой ручушкой —
А ише петёлки серебряны поломалисе,
А позолоцёны защолочки извихалисе —
Улетели вороцьця середи двора.
А зашол-де калика на широкой двор,
Проходя́ идёт калика по новым сеням,
Проходя́ идёт калика во светлу грыдьню,
А где сидит где Издолишшо поганоё.
А крест-от кладёт по-писаному,
А поклон-от ведёт по-уцёному,
А говорил он ведь сам таковы слова:
«Уж ты ой еси, Владимер стольнё-киевской!
Уж ты здрастуй-ко, Владимер стольнё-киевской,
Да со той же с кне[г]иной со Опрак[с]еей!
А подай мне Христа ради милостину,
А той же калики перехожое,
Хоть не д’ради меня — ради Ильи Муромьця!»
А ише тут-де Владимер стольне-киевской
Ише брал где-ка блюцьцё да всё серебряно,
А насыпал где-ка злата, цистого серебра,
Насыпал где-ка злата ноньце дополна —
Подавал калики перехожое.
А берёт тут калика единой рукой —
А высыпал тут калика тут в корзиноцьку.
А да сидит-де Издолищо проклятоё,
А да сидит — на калику всё поглядыват.
Говорил Издолищо поганоё:
«Уж ты ой еси, калика перехожая!
А знашь ле ведь ты как Илью Муру[о]мьця?»
А отвецяла калика перехожая:
«А как я не знаю да Ильи Муромьця?» —
«А много ле у вас Илья хлеба-соли ест?» —
«А хлеба-та он ест по колацику». —
«А ишше много ле у вас Илья воды тут пьёт?» —
«А воды-то он пьёт по стоканчику».
Говорил тут Издолишшо поганоё:
«Ише мало у вас Илейка хлеба-соли ес,

Ише мало он, Илеюшка, воды тут пьёт,
А я хлеба-та ем по кулю за раз,
А говядины я ем по быку за раз,
А воды-то я пью по сороковоцьки!»
Говорила тут калика таковы слова:
«А у моёго было всё у батюшка
А была-де корова большобрюхая;
А объелась она сена, опилась воды,
Опилась-де воды: брюхо лопнуло!..»
Ише тут же Издолишшу за беду пришло,
За велику досаду показалосе:
А хватил-де Издолишшо нонь булатной нож,
А шибал он в калику перехожую.
А на то-де калика он догадлив был:
Отскоцил-де калика в праву сторону, —
А ише тут-де-ка нонице булатной нож
Да зашол в ободверинку кленовую —
А зашол в ободверину вплоть до церёна.
А ишше тут же калика перехожая
А поднял-де-ка тут клюку чыгунную
А стукнул Издолища ёго в голову.
Ише тут-де Издолищо поганоё
А высы[у]нул он язык, он до вилок тут,
А глаза его больши вон повылетели,
А свалилсэ со стула да со кленового,
А упал-де Издолишо на крашон пол.
А схватил-де Илейка за цесны кудри,
А тащил он ёго ведь вон из комнаты,
Вытаскал он ёго тут на широкой двор,
А бил ёго тут, сколько надобно:
Отрубил у Издолища буйну голову,
А тушу розрубил он на мелки куски —
Розбросал он ёго по всёму городу.
Закрыцял-де калика громким голосом —
А услыхал его конь-лошадь богатырьская,
Прибегал к калики перехожое.
А садилса тут калика на добра коня,
А втыкал он буйну голову на востро копьё,
А ехал калика по всёму городу.

А выехал калика по-за городу
А на то же как полё на широкоё —
А втыкал он главу на зелезной прут,
А сам говорил таковы слова:
«Уж ты ой еси, глава да всё Издолищова!
А дуй тебя, главу, да ветры буйные,
А секи тебя, главу, да цясты дожжи нонь,
А грайте на<д> тобой вороны церные!»
А тут-де Издолищу славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.